

приблизительном образном эквиваленте Восточной Европы в данной традиции. Образ Понта, Черного моря с сопровождавшими его топо- и этнонимическими пластами был, по всей видимости, медиативным образом, смягчавшим когнитивный переход от обустроенного мира Средиземноморья к малоизведанному и опасному миру восточных и северных пределов ойкумены. Отсюда и важный методологический вывод: в политическом и культурном отношении имперские структуры нуждаются, как правило, в когнитивном обосновании своей экспансии, требующей, в свою очередь, построения непротиворечивой образной модели мира – мира, география и картография которого предполагают совмещение разновременных и иногда пространственно очень далеких друг от друга образов.

Д.Н. Замятин

© 2004 г.

Money and Its Uses in the Ancient Greek World / Ed. A. Meadows, K. Ship-ton. Oxford: University Press, 2001. 167 p., pls.

Рецензируемая книга представляет собой издание докладов, прочитанных в Оксфордском университете (Corpus Christi College) в ходе двух конференций (16 ноября 1995 г. и 1 марта 1997 г.). Сборник включает «Введение» и девять статей, а также несколько таблиц, карты и указатели. Организаторы конференций и издатели сборника – Э. Мидоуз и К. Шиптон – подчеркивают, что задачей этих конференций было возобновление диалога между специалистами по экономической истории античного общества и нумизматами. Отсутствие такого диалога затрудняет исследования и тех, и других. Причиной подобного не совсем нормального состояния они считают сильное влияние концепций М. Финли о характере античной экономики. В свое время М. Финли с большим одобрением цитировал выдающегося экономиста Дж. Кейнса, который античную, в частности древнегреческую, монету считал явлением не экономическим, а в первую очередь политическим – «элементом местной суетности, патриотизма или пропаганды, не имеющим далеко идущих последствий»¹. Подтверждение справедливости этого взгляда М. Финли видел в том, что наиболее развитые из соседей Эллады, такие, как финикийцы, египтяне, этруски и римляне, очень поздно последовали примеру греков².

С точки зрения организаторов конференций, Дж. Кейнс и М. Финли, резко отрицательно относившиеся ко всяким попыткам «модернизировать» античную экономику, сами в данном случае оказались под сильным влиянием модернизаторских представлений. Национальная монета сегодня – один из наиболее ярких и выразительных символов национального суверенитета. Дж. Кейнс и М. Финли невольно перенесли в античную древность современные концепции.

Э. Мидоуз и К. Шиптон указывают, что за прошедшие десятилетия накоплен значительный новый материал и получены важные результаты при его исследовании. Сейчас снова можно вернуться (уже на новом уровне знаний) к проблеме, поставленной М. Финли и оценить решения, предложенные им. Отметим, что явно (хотя об этом прямо в тексте и не говорится) определенным импульсом именно к такой постановке вопроса является развернувшаяся в последние годы критика концепции М. Финли³. Постановка подобной проблемы для широкого обсуждения, а также привлечение к ней нумизматов и историков (как сторонников концепций М. Финли, так и их противников) кажутся более чем оправданными.

¹ Keynes J.M. Treatise on Money. V. 1. The Pure Theory of Money. L., 1930. P. 12.

² Finley M.J. The Ancient Economy. L., 1973 P. 166.

³ Подробнее об этом см. Маринович Л.П., Кошелев Г.А. Древнегреческая экономика: сто лет дискуссий // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. IV. Ч. 1. История. Москва – Магнитогорск, 1997. С. 90–96.

Сборник состоит из двух частей. Первая называется «Монетизация, снабжение монетой и политика ее чеканки», вторая часть – «Монеты и общества – отдельные исследования по использованию монеты». Однако, как это часто бывает при организации подобных конференций, отнюдь не все доклады строго соответствуют намеченной программе; кроме того, разделение сборника на две части очень условное, в сущности в этих двух частях обсуждаются одни и те же вопросы.

В силу этого мы в своей рецензии сгруппируем статьи по иному принципу. Все статьи делятся на три неравноценные группы. Первая строго соответствует объявленной проблематике, и в статьях этой группы разрабатываются проблемы, связанные главным образом с экономическим значением монеты в античных обществах. При этом их можно разделить на две подгруппы: сторонников и противников концепций М. Финли. Вторая группа – статьи, в которых на первое место выдвинуты вопросы политической истории. Наконец, третья группа представлена лишь одной статьей Р. Аштона «Монетная чеканка Родоса в период от 408 до примерно 190 гг. до н.э.» (с. 79–115). Строго говоря, она не может быть отнесена ни к одной из перечисленных групп, хотя в ней в какой-то мере затрагиваются экономические и политические вопросы. Это общий очерк истории монетного дела Родоса с момента синойкизма трех ранних родосских полисов (408/7 г. до н.э.) вплоть до 190 г. до н.э. Автор делит историю монетного дела Родоса в этих пределах на следующие периоды: 408 – примерно 385 гг.; 385 – конец 340-х годов; конец 340-х годов – примерно 305/4 г.; 305/4 – примерно 250 г.; 250–190 гг. до н.э.

Этот очерк, конечно, полезен, но в нем очень небольшое место занимают вопросы, о которых было сказано во «Введении». Некоторое значение для основной проблемы сборника имеют только несколько небольших разделов, где делаются попытки определить зону распространения монет родосской чеканки и динамику изменения объема выпуска монет по отдельным периодам, дать оценку общего объема выпущенных монет. Необходимо, кажется, особо отметить раздел о зоне обращения, который в значительной мере построен на наблюдениях А. Брессона⁴. Большинство автономных родосских монет найдено на самом острове, в Перее, а также в близлежащих местностях Кари и приморской Ликии, которые находились в сфере экономического влияния Родоса. Некоторое количество их зафиксировано также на соседних островах и на Крите, а в других частях Греции их находки очень редки. Эта картина поразительно отличается от картины распространения родосских же монет, чеканенных по типу монет Александра. Данное явление, правда, вполне объяснимо, поскольку «Александры» были международной, широко распространенной монетой. Гораздо важнее другое: зона обращения родосских монет не совпадает с зоной распространения, например, родосских амфорных клейм и вообще с зоной родосских коммерческих связей, как мы их знаем по сведениям источников различного типа. Кроме того, Р. Аштон соглашается с А. Брессоном, что Родос и Перея представляли собой закрытую монетную территорию, где было запрещено использование иноземной монеты. Подтверждение этому А. Брессон и Р. Аштон видят в том, что на этой территории встречено очень небольшое количество монет неродосской чеканки.

Как уже было отмечено, три статьи имеют в основном историко-политическую направленность. К их числу относится, в частности, статья Г. Оливера «Политика монетной чеканки: Афины и Антигон Гонат» (с. 35–52). Она посвящена конкретному вопросу – взаимоотношениям Афин и Македонии в период после окончания Хремонидовой войны, однако автор рассматривает этот вопрос в рамках более широкой проблемы, которая была поставлена Т. Мартином в его книге о суверенитете и монетном чекане в классической Греции⁵. Соглашаясь с мнением Дж. Дэвиса о том, что современное понятие суверенитета древние греки выражали с помощью двух терминов

⁴ Bresson A. La circulation monétaire rhodienne jusqu'en 166 // Dialogues d'histoire ancienne. 1993. 19/1. P. 119–169. Р. Аштон предлагает несколько (не очень существенных) поправок к схеме А. Брессона. Например, он указывает на то, что родосские монеты в Египте (главном торговом партнере Родоса) должны были перечекиваться, так как египетские власти не допускали обращения на своей территории чужеземной монеты.

⁵ Martin T. Sovereignty and Coinage in Classical Greece. Princeton, 1985.

(элевтерия и автономия)⁶, он приходит к выводу, что в понятие суверенитета входило и право монетной чеканки. После поражения в Хремонидовой войне (268–262 гг. до н.э.) Афины вновь оказались во власти Македонии. Внешним знаком этого было присутствие македонских гарнизонов не только в Пирее и ряде аттических крепостей (как до начала войны), но и в самом городе – на холме Муз.

Гарнизон из Афин был выведен примерно в 256 г. до н.э., и тогда же Афины возобновили чеканку своих монет. Исходя из этого, Г. Оливер утверждает, что достаточно широко распространенные мнения о том, что полис в эллинистическую эпоху уже не существовал⁷, так как Греция полностью утратила свою свободу после Хероней⁸ или после Хремонидовой войны⁹, ошибочны. Утрата свободы была длительным процессом, который растянулся на века. Невозможно не согласиться с автором, хотя некоторые хронологические реперы его построения нуждаются в уточнении.

В статье Э. Мидоуза «Монета, свобода и империя в эллинистическом мире» (с. 53–63) отправным пунктом также является уже упомянутая работа Т. Мартина. Э. Мидоуз обращает особое внимание на один из сюжетов, разработанных Т. Мартином. Последний показал, что в Фессалии IV в. до н.э., когда она оказалась под контролем царей Македонии, никаких изменений в монетной чеканке не произошло. После этого Т. Мартин кратко под таким же углом зрения рассмотрел и другие области и полисы Греции. Он пришел к выводу (который Э. Мидоузу кажется совершенно справедливым) о том, что право чеканки монеты и суверенитет не были в древней Греции сколько-нибудь тесно связаны. С другой стороны, в пределах Римской империи уже с середины I в. н.э. появляются монеты, выпускаемые отдельными городами, в легендах которых содержится четкое указание на то, что они чеканятся с разрешения императора или провинциального наместника. Таким образом, в рамках Римской империи суверенитет и право чеканки монеты оказываются тесно увязанными друг с другом.

Автор, естественно, задается вопросом: что же происходило в монетном деле Восточного Средиземноморья в промежутке между этими двумя датами. Безусловно, в рамках статьи невозможно детально исследовать этот процесс, поэтому Э. Мидоуз ограничивается краткими ремарками относительно нескольких наиболее ярких примеров: Селевкидское царство и греческие и финикийские города в его составе; Понтийское царство и греческие города Причерноморья; малоазийские и сирийские города, освободившиеся в силу тех или иных причин от власти Селевкидов или Птолемеев и т.д.

Автор отмечает наличие множества вариантов решений. Например, города Сирии и Финикии, ставшие независимыми, начинают чеканить собственную монету, но при этом сохраняют селевкидские или птолемеевские типы; малоазийские города, которые выбирают (после обретения независимости) «александровские» типы, в большинстве случаев делают это в силу экономической необходимости; наличие определенной унификации городской чеканки ряда городов под влиянием импульсов, исходивших от центральной власти (Селевкиды при Антиохе IV или Митридат VI Понтийский) и т.д. В целом же на этот процесс перехода от греческой традиции связи между суверенитетом и монетной чеканкой к римской сильное влияние оказывал сам факт присутствия римлян в Малой Азии со времени создания провинции Азия.

Статья С. фон Редден «Политика монетизации в Египте третьего века до н.э.» (с. 65–76) посвящена некоторым аспектам политики царей птолемеевского Египта главным образом на протяжении III в. до н.э. Автор указывает, что политика введения в экономику государства монеты сталкивалась с рядом объективных трудностей, главной из них было отсутствие собственных источников серебра. Поэтому основным

⁶ Davies J.K. On the Non-usability of the Concept of «Sovereignty» in the Ancient Greek Context // *Federazioni e federalismo nell' Europa antica*. Bergamo. 21–15 settembre 1992 / Ed. L.A. Foresti, A. Barzano, C. Bearzot, L. Prandi, G. Zecchini. Milano, 1994. P. 51–65.

⁷ Точка зрения В. Рансимана, см. *Runciman W.G. Doomed to Extinction. The Polis as an Evolutionary Dead End* // *The Greek City* / Ed. O. Murray, S. Price. Oxf., 1990. P. 347–367.

⁸ Точка зрения Г. Коуквелла (*Cowkwell G. The End of Greek Liberty // Transition to Empire. Essays in Graeco-Roman History*, 360–146 B.C., in Honour of E. Badian / Ed. R.W. Wallace, E.M. Harris. Norman – London, 1996. P. 98–121).

⁹ Точка зрения Э. Гомма (*Gomme A.W. Essays in Greek History and Literature*. Oxf., 1937. P. 223).

источником получения драгоценных металлов была внешняя торговля. Египет экспортировал в большом количестве зерно и папирус. Единственный товар (кроме драгоценных металлов), в котором нуждалась страна – строительное дерево. В связи с недостатком серебра рано вводят в обращение медь (медные драхмы). С этим же обстоятельством связано и использование во взаимных расчетах иных форм «всеобщего эквивалента», например, зерна. Египетские банки были похожи на афинские банки IV в. до н.э., но резко отличались от последних тем, что очень часто использовали кредиты и взаимные безналичные расчеты.

Монетизация экономики была сознательной политикой первых Птолемеев, поскольку представляла собой инструмент интеграции греков и египтян с их совершенно различными экономическими традициями и взглядами. Одним из средств достижения этого были те торжественные шествия, наиболее известным из которых было шествие 279/8 г. до н.э., организованное Птолемеем II в честь его родителей. Можно, видимо, согласиться с основными выводами С. фон Редден, однако вряд ли такие празднества вызывали однозначные чувства у всех, наблюдавших их. Распространение такой оппозиционной литературы, как знаменитое «Пророчество горшечника», явно показывает, что у многих египтян подобные празднества вызывали скорее обратную реакцию. Кроме того, главная цель подобных мероприятий была не в том, чтобы продемонстрировать единство населения, а показать неодолимую мощь (военную и финансовую) царской власти.

Основная часть сборника, как мы уже отмечали, все же отведена статьям, трактующим экономические проблемы древней Греции.

Особый интерес вызывает статья Г.С. Кима «Архаическая чеканка как свидетельство использования монеты» (с. 7–21), в которой обсуждаются проблемы возникновения чеканной монеты в древней Греции, причины, характер и следствия этого. Прежде всего автор указывает на некоторые сложности общетеоретического плана. Он подчеркивает, что в последние годы в целом ряде исследований особое внимание обращалось на роль монеты, как явления культурного, ритуального и т.д., однако недостаточное внимание уделялось монете как явлению экономической истории, чему и посвящено его исследование. Он отмечает, что появление чеканной монеты – только один (хотя и самый важный) этап в развитии денежного обращения. Нужно помнить, что монете предшествовали различные виды товарных денег, а развитие рыночных отношений началось ранее появления чеканной монеты. Необходимо обратить внимание и на другое обстоятельство: возникновение чеканной монеты в Лидии и связанных с нею приморских малоазийских центрах не имеет прямого отношения к появлению монеты в материковой Греции. Новые исследования показали, что в материковой Греции монета получила распространение позднее, чем считалось ранее. Следовательно, существует хронологический разрыв между двумя явлениями: начало чеканки в Лидии относится к середине VII – началу VI в. до н.э., начало чеканки в Балканской Греции – ко второй половине (если не последней четверти) VI в. до н.э. Кроме того, надо помнить и о разнице в монетных металлах: электр – в Лидии и серебро – в материковой Греции.

Как указывает Г.С. Ким, монета очень быстро чрезвычайно широко распространилась – уже примерно к 480 г. до н.э. она чеканилась в более чем 100 полисах, свидетельствуя о том, что она была необходима обществу и была подготовлена его предшествующим развитием. Следующий важный вывод, пронизывающий из изменения даты появления чеканных денег, состоит в том, что теперь распространение монеты совпадает по времени с периодом оформления полисных институтов в Греции. И наконец, автор обращает внимание на еще одно обстоятельство: обычно считается, что широкое распространение монеты («монетизация экономики») началось примерно сто лет спустя после ее появления. В поддержку этого тезиса высказываются такие соображения: первые монеты обычно были крупными номиналов, из чего следует, что они «обслуживали» экстраординарные нужды: выплата дани, далекая торговля, распределение средств. В эту «монетизированную экономику» было вовлечено ограниченное число граждан (только верхние слои полиса), она никак не была связана с повседневной жизнью основной массы граждан. Однако открытия последних лет (и, может

быть, улучшение методики раскопок ?) показали, что мелкие и мельчайшие номиналы серебряных монет были распространены очень широко и представлены большим числом вариантов, свидетельствуя об их массовой чеканке. Тем самым можно с уверенностью считать, что эти монеты обслуживали местные потребности – они никогда в отличие от монет крупных номиналов, не «путешествовали» на большие расстояния. Таким образом, уже в момент возникновения чеканной монеты рыночные откошения играли важнейшую роль в жизни ранних полисов.

Сейчас можно считать доказанным, что чеканной монете предшествовали деньги в виде слитков серебра. Г.С. Ким очень хорошо показал, что они имели, как правило, достаточно твердо установленный вес, хотя не несли на себе клейма, удостоверяющего этот вес. В целом ряде кладов такие слитки серебра наличествуют одновременно с чеканной монетой, что служит доказательством, что они предшествовали чеканной монете и какое-то время обращались наряду с ней. Таким образом, использование в качестве денег серебряных слитков предшествовало появлению чеканной монеты и подготавливало к этому общество. Необходимо обратить внимание на то, что многие из слитков очень небольшого веса, это свидетельствует об употреблении их в повседневной жизни, а не только в экстраординарных случаях. Автор доказал, что они выполнялись в строго установленных весовых системах. Кроме того, небольшой вес слитков указывает, что использовали эти деньги широкие круги граждан, а не только элита.

Литературные сведения подтверждают факт широкого употребления серебра в архаической Греции. Серебро было чрезвычайно «мобильным». Современные исследования показали несколько важных особенностей его хождения. Например, серебряные слитки, входящие в состав селинунтского клада (ранее 500 г. до н.э.), частично выполнены из иберийского серебра. Эгина, не имевшая своего серебра, использовала для своих монет (и предшествующих им слитков) серебро из разных источников. Даже Афины и Фасос, обладавшие собственными источниками серебра, чеканили монету не только из своего серебра.

Конечный вывод автора следующий: в последние десятилетия особый упор делался на социальные, политические и другие подобные причины рождения чеканной монеты в древней Греции. Автор указывает, что его исследование настоятельно требует вспомнить и экономические причины, которые не менее важны. Но сводить все только к ним было бы не правильно. Необходимо учитывать целый комплекс причин, основной из которых являлось рождение и оформление полиса.

Думается, нет оснований оспаривать и главный вывод Г.С. Кима, и те отдельные более конкретные выводы, которые он делает по ходу исследования. Работа очень доказательная и можно, кажется, согласится с автором.

Статья Дж. Дэвиса «Храмы, кредит и циркуляция монеты» (с. 117–128) построена на анализе ряда эпиграфических документов, происходящих из святилищ различных греческих полисов, включая как общегреческие, так и полисные, а также принадлежащие мелким подразделениям гражданского коллектива (например, отдельным демам Аттики). Автор отмечает, что уже в середине VI в. до н.э. появляются документы, в которых исчисление имущества, принадлежащего храму, ведется в денежной форме, он стремится показать, как постепенно денежные отношения проникают в сакральную жизнь полиса. На смену традиционным формам посвящений, даров и т.п. в натуральной форме приходят другие, порожденные новой экономической обстановкой. Реакция и выбор стратегии поведения в этих условиях коллективов, являвшихся собственниками святилищ, могла быть различной и определялась рядом обстоятельств, но общая тенденция к «монетизации» несомненна. Наивысшей формой рационалистического отношения к храмовому имуществу явилась выдача займов в денежной форме под проценты (в сущности ростовщичество, хотя Дж. Дэвис никогда не употребляет этого термина). Храмовые сокровища в конечном счете рассматривались как своеобразный «последний» финансовый резерв и к нему обращались в крайнем случае. Но отношение к такому роду «займствованиям» также не было однозначным, определяясь множеством обстоятельств.

Очень интересна статья К. Шилтон «Монета и элита классических Афин» (с. 129–144). Автор отмечает, что в антиковедении уже давно сложилась концепция, согласно кото-

рой богатая верхушка афинского полиса состояла главным образом из землевладельцев, естественным результатом чего было господство идеологии, прославляющей труд на земле, презрение к ремесленной деятельности и т.д., что так ярко представлено в общественно-политической литературе Афин классической эпохи.

К. Шиптон пытается выявить более точную и адекватную картину экономических предпочтений афинской элиты в IV в. до н.э. Свое исследование она строит на анализе эпиграфических документов с использованием просопографических методов. Она указывает, что в экономической жизни афинского полиса имелось два основных источника пополнения полисной казны: сдача в аренду серебряных рудников и сдача в аренду общественных земель. Правда, здесь автор несколько ошибается, поскольку имелся и еще один источник – портовые сборы, но на анализ этот факт не может влиять.

К. Шиптон делит всех граждан, вовлеченных в эти сферы деятельности, на шесть групп. Первую из них составляли люди, зафиксированные в различных источниках как имущественная верхушка полиса («литургический класс»). Таких в каждом из поколений было примерно 600. Самую низшую группу входили люди, которые известны нам как арендаторы. С точки зрения автора, это беднейшие из граждан. Все остальные группы находились между этими двумя полюсами. Конечно, может быть много сомнений относительно данных критериев, но лучших все равно нет.

Анализируя эпиграфические материалы статистически, К. Шиптон приходит к несколько неожиданным, но (в рамках ее подхода) вполне достоверным выводам. Самые богатые афиняне явно предпочитали брать в аренду рудники, а не землю. Они арендовали более крупные участки, и имелось достаточно много семей, которые занимались «рудничным бизнесом» из поколения в поколение. Видимо, эти люди извлекали значительные прибыли из аренды, но коллектив граждан относился к этому положительно, поскольку именно эти люди несли основную «литургическую нагрузку». Бедняки предпочитали арендовать землю, а не рудники. Можно думать, что для них аренда общественных земель не являлась средством извлечения прибыли, а лишь средством обеспечения существования. Однако, указывает автор, нельзя «обобщать» афинскую ситуацию. На Делосе, например, арендой общественной земли занимались богатейшие граждане.

Статья Дж. Роуландсон «Использование монеты крестьянством птолемеевского и римского Египта» (с. 145–155) посвящена проблемам проникновения монеты в сферу сельского хозяйства, в частности в экономику крестьянских хозяйств Египта птолемеевского и римского времени. Это явление, как подчеркивает автор, должно рассматриваться в ряду аналогичных феноменов, когда монета вторгается в традиционное аграрное общество. Сфера крестьянского хозяйства требует специального внимания, так как широкое развитие товарно-денежных отношений в городах Египта этого времени не вызывает сомнения. Эти отношения составляли также повседневную реальность и в жизни «земельных магнатов».

На первый взгляд кажется, что монете не было места в крестьянской экономике, поскольку налоги и арендная плата за землю взимались натурой. Следовательно, зерно некоторым образом выполняло функцию денег. В этом можно видеть сохранение той системы, которая тысячелетиями функционировала в Египте. Однако полностью отрицать факт постепенного проникновения монеты в жизнь деревни было бы неправильно. Некоторые налоги и ряд арендных платежей необходимо было выплачивать в денежной форме. В частности, все расчеты, связанные с виноградниками и производством вина, выполнялись в денежной форме. Крестьянам и при производстве зерновых также нужны были деньги для оплаты труда лиц, подававших воду на поля, поденщиков, нанимавшихся в горячее время уборки урожая, и т.д.

Свидетельством глубокого проникновения монеты в крестьянскую жизнь, являются документы, связанные с браками: брачные контракты, документы о разводе и т.п. Все имущество, даваемое в качестве приданого и получаемое в качестве компенсации при разводе, всегда оценивалось в денежной форме. В этом Дж. Роуландсон видит одно из важнейших доказательств того, что денежные отношения глубоко вошли в жизнь крестьянина, заставляя его мыслить в «денежной форме». При всем том нату-

ральная основа крестьянского хозяйства сохранялась, новые явления лишь несколько модифицировали ее, но не разрушили.

Таким образом, мы видим, что основная часть статей относится (в той или иной степени) к концепциям М. Финли критически и разделяет мнение о том, что монета в экономической жизни античного общества заняла очень важное место. Единственной работой, в которой защищается концепция М. Финли, может быть названа статья Дж. Треветта «Монетная чеканка и демократия в Афинах» (с. 23–34), которая начинается с утверждения, заимствованного у М. Финли, что монета в древней Греции была явлением чисто политическим¹⁰. Исходя из этого тезиса, автор пытается анализировать некоторые факты в политической жизни и монетной чеканке Афин. Он, в частности, кратко описывает (насколько это позволяют источники) функции монетных магистратов, причины стабильности типов афинских монет и т.д. Причины стабильности он видит в желании афинского демоса подчеркивать непрерывность существующего строя, а также определенную инерцию демократической мысли. Никакие соображения относительно «привычности» внешних рынков к традиционным типам не влияли на их выбор. Консерватизм типов – своего рода указатель политической стабильности. Он также отмечает, что вопрос о том, когда на смену *Wappmünzen* пришли типичные афинские «совы», не может считаться решенным. Во всяком случае, полагает автор, очень трудно доказать, что появление сов – результат реформ Клисфена, как думают некоторые исследователи¹¹.

Однако основная часть статьи посвящена иному вопросу, который более непосредственно связан с главным тезисом автора. Дж. Треветт старается доказать, что широкое распространение монеты напрямую определяется существованием демократического строя в Афинах. Он особенно подчеркивает то обстоятельство, что демократический строй в Афинах предполагал плату гражданам за выполнение ими своих гражданских обязанностей: участие в заседаниях судов, выполнение ряда магистратур, участие в заседаниях народного собрания и т.д. К этому нужно также добавить плату гражданам-воинам во время походов. Поскольку размеры оплаты были невелики, то нужно было чеканить большое количество монет мелких номиналов.

Подобная позиция выглядит очень искусственной, да и сам автор сознает ее слабость, пытается оперировать самыми общими соображениями вместо твердо установленных фактов. Первые монеты в Афинах появились задолго до установления демократического строя, во всяком случае еще в период тирании. Более пятидесяти лет демократический строй в Афинах не знал оплат за выполнение гражданских обязанностей, но тем не менее мелкие номиналы чеканились в большом количестве. Таким образом, можно быть уверенным, что появление монеты не было связано с возникновением демократии, а широкое распространение монеты – с практикой оплат. Конечно, введение системы оплат могло способствовать «монетизации» экономики Афин, но не служить ее причиной.

Таким образом, рассмотрев статьи, представленные в сборнике, мы со значительной долей уверенности можем утверждать, что к числу критиков М. Финли и его сторонников прибавилась группа специалистов по экономической истории античного общества и нумизматов. «Новая ортодоксия» (как часто называют концепцию М. Финли)¹² с характерным для нее стремлением представить античное общество как общество архаическое и примитивное, вызывает все большую критику. Монета и рыночные отношения занимают все более важное место в схемах, объясняющих его эволюцию. Однако это не означает простого возвращения к модернистским построениям, анализ проводится в рамках полисных структур, чего не наблюдалось у исследователей модернизаторского направления конца XIX – первой половины XX в.

Г.А. Кошеленко

¹⁰ Со ссылкой на: *Finley. The Ancient Economy*. P. 166.

¹¹ См., например: *Kroll J.H., Waggoner N.M. Dating the Earliest Coins of Athens, Corinth and Aegina* // *AJA*. 1984. 88. P. 76–91.

¹² Выражение принадлежит К. Хопкинсу, одному из горячих приверженцев этой концепции (*Hopkins K. Introduction* // *Trade in the Ancient Economy* / Ed. P. Garnsey, K. Hopkins, C.R. Whitaker. Camb., 1983. P. XI).